

С. ТОЛБОТТ

Советско-американские отношения: от плохого к худшему

<Фрагменты>

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, — писал Лев Толстой в начале “Анны Карениной”. — Но несчастливая семья несчастлива по-своему». Аналогичное меланхолическое обобщение применимо как к хорошим, так и к плохим годам в советско-американских отношениях: хорошие годы часто похожи обманчивостью того, что кажется правильным, в то время как плохие столь же разнообразны, как и возможности того, что что-то пойдет не так в отношениях фундаментального недоверия, непонимания и вражды. Будущее не склонно выполнять обещания, данные в таких отношениях, по крайней мере, так показало прошлое.

В советско-американских отношениях было мало хороших лет; и те, которые могли казаться относительно хорошими в то время, как правило, в ретроспективе отличаются больше ложными надеждами и упущенными возможностями, чем подлинными и устойчивыми улучшениями. Так или иначе, они запоминаются пишущим сейчас историкам по причинам, которые в значительной степени упускались из виду комментаторами, писавшими тогда. 1933 год, когда Соединенные Штаты отошли от пренебрежительного отношения к большевикам и признали советское правительство, а также стали свидетелями обнародования второго пятилетнего плана и консолидации сталинского тоталитаризма — вряд ли был благоприятным поворотным моментом для мира. 1941 год, когда Соединенные Штаты и СССР неожиданно оказались союзниками, стал темным часом в мировой войне, в которой, казалось, побеждал их общий враг. В 1959 году, когда премьер-министр Никита Хрущев разгуливал по Соединенным Штатам, проповедуя мирное сосуществование, Советы развертывали свои первые межконтинентальные баллистические ракеты, а Соединенные Штаты осуществляли разведывательные миссии U-2 — то были

два события, предвещавшие недоброе. В 1972 году Ричард Никсон стал первым американским президентом, посетившим Москву, где он и генеральный секретарь Леонид Брежнев подписали соглашение о советско-американских отношениях¹; но за четыре месяца до этого Никсон посетил Пекин, а затем подписал Шанхайское коммюнике² — исходную карту Китая в будущей долгой и смертельно серьезной игре в покер тремя руками между двумя ядерными сверхдержавами мира и крупнейшей мировой державой. Тем не менее, даже по довольно мрачным меркам предшествующих шести десятилетий 1979 год был особенно плохим в советско-американских отношениях <...>. Было хуже, чем когда бы то ни было с самого начала правления первой администрации Никсона, когда советские войска еще бросались в глаза на улицах Праги, когда война во Вьетнаме все еще пылала, когда разрядка была причудливым французским словом, почти неизвестным на западном побережье Атлантики, и когда соль, даже если она пишется с большой буквы, для большинства людей означала всего лишь хлорид натрия³. Оглядываясь назад на 1979 год, оптимисты могли только надеяться, что это окажется очередным спадом в извечно проблемных отношениях, а возможно, даже и самым низким их уровнем. Пессимисты, со своей стороны, имели все основания опасаться, что будущие историки будут рассматривать 1979 год как конец эпохи разрядки после 1972 года и начало новой, затяжной фазы, характеризующейся ростом политической напряженности и военного соперничества, вполне возможно, не сдерживаемого никакими соглашениями о контроле над стратегическими вооружениями или даже текущими переговорами.

II

Советско-американские отношения, становившиеся все хуже и хуже в течение всего года, погрузились в полномасштабный кризис в последние дни 1979 года и первые дни 1980 года, когда СССР вторгся в Афганистан, а Соединенные Штаты ответили серией дипломатических протестов, экономическими санкциями и политическими угрозами. Но этот кризис, как казалось, внезапный и драматичный, назревал давно. После марксистского переворота в апреле 1978 года Советы постоянно присутствовали в Афганистане. Сразу после этого события, за двадцать месяцев до советского вторжения, генерал (впоследствии президент) Пакистана Зия-уль-Хак говорил почти каждому иностранцу, с которым встречался, что «...русские сейчас на Хайберском перевале». К началу 1979 года в каждом значимом афганском министерстве

и в вооруженных силах, вплоть до уровня роты, были советские советники. Несмотря на поддержку СССР лидеров в Кабуле, а в некотором смысле и благодаря ей, восстание мусульманских соплеменников, недовольных левых и сепаратистов переросло в, казалось бы, неразрешимый вызов власти и существованию марксистского режима. В начале августа 1979 года Соединенные Штаты косвенно предупредили Советский Союз о прекращении военной интервенции в Афганистан, сославшись на «благоразумную» сдержанность Америки во время иранского кризиса как на образец для подражания для русских. Советник президент Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский заявил: «Мы ожидаем, что и другие будут воздерживаться от вмешательства и попыток навязать чуждые доктрины глубоко верующим людям с национальным сознанием».

Советы проигнорировали эту рекомендацию. В ноябре они устроили свой гарнизон в Афганистане и усилили свои войска вдоль границы. А в декабре Советская Армия сыграла ключевую роль в свержении и казни президента Хафизуллы Амина, националиста, в отношении которого Кремль все больше терял терпение. Амина сменил Бабрак Кармаль, лидер конкурирующей марксистской фракции, более послушной Москве, живший в изгнании под советской защитой. Президент Картер осудил вторжение и переворот как «серьезную угрозу миру» и направил Леониду Брежневу сообщение по «горячей линии» Вашингтон-Москва, предупредив о серьезных последствиях, если СССР не выведет свои войска из Афганистана. Советы, казалось, не собирались делать это в ближайшее время. Если Амин был непокорным покровителем, то Бабрак Кармаль казался послушной марионеткой, но ему требовалась массированная помощь. Трансформировав традиционное буферное государство в советский сателлит, Советы приступили к превращению его в виртуальную 16-ю республику СССР, дополненную изданием «Правды» на языке дари и рублем в качестве принимаемой валюты в магазинах Кабула. Советские оккупанты также быстро, с удвоенной силой действовали, подавляя восстание.

Некоторые американцы утешались афганской войной, говоря, что русские обречены испытать собственный Вьетнам на пустынных горных перевалах. <...> Но оснований для уверенности в том, что на этот раз россияне проиграют, было немного. Войны на истощение могут работать в обе стороны, в том числе и против партизан. Афганское восстание было в основном лоскутным одеялом местного сопротивления, которому помогали Китай, Пакистан и ряд других зарубежных стран, но без национального деятеля,

который мог бы воодушевить соплеменников в их разношерстной борьбе против всей мощи советского экспедиционного корпуса.

Реакция американцев была быстрой, твердой и размашистой, хотя только время покажет, насколько эффективной. Картер вызвал домой из Москвы своего посла Томаса Дж. Уотсона-младшего — шаг, которого Белый дом не предпринял даже во время советского вторжения в Венгрию в 1956 году или в Чехословакию в 1968 году. Президент также резко сократил продажу зерна и передовые технологии Советскому Союзу, попросил Сенат отложить на неопределенный срок рассмотрение договора об ограничении стратегических вооружений. Администрация также мобилизовала в ООН поддержку требования о выводе Советов из Афганистана — инициативы, на которую СССР, что ни для кого не стало удивительным, наложил вето в Совете Безопасности, но которая была одобрена Генеральной Ассамблеей подавляющим большинством голосов — 104 против 18.

Комментаторы и представители правительства называли афганский кризис «водоразделом» в советско-американских отношениях. Это был, безусловно, поворотный момент в собственных взглядах Джимми Картера на советско-американские отношения. В серии заявлений, отличавшихся простодушием до наивности, Картер сказал, что был шокирован тем, что Брежнев солгал ему о вторжении (советский лидер утверждал, что его армии были «приглашены» в Афганистан). «Мое мнение о русских, — сказал Картер телеинтервьюеру, — изменилось самым радикальным образом за последнюю неделю — [больше], чем даже за предыдущие два с половиной года до этого».

И все же во многих отношениях советско-американское столкновение из-за Афганистана стало кульминацией, а не противоречием тенденциям года. Еще до кризиса события в самых разных областях породили смутное, но всепроникающее ощущение, как в Соединенных Штатах, так и в СССР, что между ними что-то пошло не так. Если разрядка — это общая вера в преимущества взаимного приспособления и риски конфронтации, то она уже давно была подорвана изменениями в окружающей среде отношений. Эти неблагоприятные события были по большей части продолжением постепенных тенденций или последствиями более ранних событий. Тем не менее, во многих случаях 1979 год принес квантовый скачок в интенсивность или сложность проблемы. Афганистан был лишь самым ярким примером.

Конечно, не было ничего нового в озабоченности американцев тем, что многие считали советскими интригами, если не прямой интервенцией в странах третьего мира. Участие СССР в делах

Анголы и Эфиопии вызывало протесты Белого дома не только в первые два года правления Картера, но и во время предыдущих республиканских администраций. На самом деле, некоторые фронты были тише, чем в предыдущие годы. В 1979 году Кремль не предпринимал никаких военных авантур в Африке, подобных советско-кубинским действиям в Эфиопии в 1977–1978 годах.

И СССР не играл столь энергичной обструкционистской роли на юге Африки, как опасались западные государственные деятели и аналитики. Скорее, по мере того как конфликт в Зимбабве-Родезии приближался к шаткому, но все же почти чудесному урегулированию в декабре, Советы были относительно сдержаны в своих подстрекательствах Патриотического фронта⁴. Тем не менее, несмотря на то, что были собаки, которые не лаяли или, по крайней мере, не кусались, заголовки, преобладавшие в новостях в 1979 году, по-прежнему вызывали у многих американцев глубокую тревогу, даже до фактической аннексии Советским Союзом Афганистана. Соединенные Штаты уже давно были охвачены беспокойством по поводу своего положения в мире — своего морального авторитета, своей военной мощи и своей политической воли. До того, как в конце года в Афганистан вошли советские танки, многие американцы считали самым памятным и возмутительным событием 1979 года гибель посла США в Кабуле Адольфа Дабса. Он был убит в феврале в перестрелке между похитителями-партизанами и афганской полицией, а советские советники стояли рядом. Этот инцидент, как и многие другие в течение года, казалось, символизировал то, что многие осудили как «бессилие» американской мощи перед лицом иногда едва заметного, иногда жесткого, но всегда зловещего советского экспансионизма.

Еще одно безобразие произошло в ноябре в соседнем Иране. Когда молодые иранские радикалы с полного благословения аятоллы Хомейни разграбили посольство США в Тегеране и взяли его сотрудников в заложники, поведение Советского Союза было двусмысленным. СССР неохотно поддержал Соединенные Штаты в Совете Безопасности ООН для осуждения нарушения Ираном дипломатической неприкосновенности. Но советская радиостанция в Баку транслировала в Иран на фарси подстрекательскую антиамериканскую пропаганду во время оккупации посольства; комментарии в официальной советской и восточногерманской прессе выражали сочувствие иранской революции, даже когда она скатилась к анархии, террору и нарушению международного закона; и имелись веские доказательства того, что захватчиков посольства США возглавляли иранские радикалы, стремившиеся подтолкнуть Хомейни влево. Затем, в начале января 1980 года,

после вторжения в Афганистан, СССР <...> наложил вето на резолюцию об экономических санкциях против Ирана, по которой он, казалось, был готов воздержаться еще в Новый год.

Какой бы ни была мотивация, советское поведение в сочетании с кризисом вокруг заложников сильно обострило предчувствие американцев. В этом году шах Ирана и президент Никарагуа Сомоса бежали в изгнание, оставив свои страны в агонии революций, которые были резко антиамериканскими, хотя и не совсем просоветскими. Ошеломленные зрелищем свержения диктаторов мусульманскими священнослужителями в Иране и партизанамисандинистами в Никарагуа, многие американцы с большей настойчивостью, чем когда-либо прежде, задавались вопросом, не отступили ли Соединенные Штаты в геополитическом плане и не грозит ли им разгром именно в той части мира, от которой в наибольшей степени зависел промышленно развитый Запад в плане экономической жизненной силы.

На Ближнем Востоке Советский Союз продолжал играть роль посредника в усилиях президента Картера по посредничеству в израильско-египетском урегулировании. В марте ТАСС назвал Кэмп-Дэвидские соглашения, подписанные в Белом доме, «предательством» арабских интересов. В течение года СССР осуждал Египет и призывал Ливию, Алжир, Сирию и Организацию освобождения Палестины следовать политике непризнания. Стремясь еще больше использовать недовольство арабов кэмп-дэвидским процессом, Советы предприняли шаги в отношении Саудовской Аравии, которая долгое время была оплотом арабского консерватизма и проамериканизма. Однако к концу года их гамбит, казалось, ни к чему не привел: Саудовская монархия, более чем когда-либо напуганная призраком радикализма и революции, не была заинтересована в сближении с главным спонсором того и другого.

Глядя на страны третьего мира в целом, многие на Западе нашли причины для беспокойства по поводу очевидных достижений Советского Союза за пределами традиционной досягаемости СССР*. Вьетнам, Эфиопия, Ангола, Афганистан, Южный Йемен — эти и другие страны все больше полагались на советскую помощь; они присоединились к кубинским радикальным левым режимам, которые были беззастенчиво обязаны Москве, даже несмотря на то, что они клялись в верности четвертьвековому Движению

* Превосходный анализ того, где заканчиваются реальные успехи и начинаются кажущиеся, см. в книге Роберта Легволда «Суперсоперники: конфликт в третьем мире», журнал «Foreign Affairs», весна 1979 г., с. 755–778.

неприсоединения. На саммите якобы неприсоединившихся стран в Гаване в сентябре Куба взяла на себя как де-факто, так и де-юре руководство движением и сделала это без малейшего смягчения своей радикально просоветской, антиамериканской линии.

Короче говоря, советско-американское соперничество в странах третьего мира обрело остроту, утраченную в 1960-х годах*. По этому стандарту наступала новая холодная война. В этом соревновании у Советов и Кубы было естественное преимущество (хотя и не обязательно постоянное). <...>

К концу 1979 года силы сдерживания, казалось, одержали победу на юге Африки благодаря восстановлению временного британского правления в Солсбери; но почти везде — особенно на Ближнем Востоке и в Центральной Америке — боевики и радикалы, казалось, добивались своего. Это впечатление, хотя и упрощенное, было широко распространено в Соединенных Штатах, и оно разжигало опасения американцев, что советское продвижение по всему миру неумолимо — что эта неумолимость коренится в грубой военной мощи, которая является советской особенностью. Более того, советское посягательство на широком фронте в 1978–1979 годах, особенно вторжение и оккупация Афганистана, было воспринято многими американцами как насмешка над соглашением, заключенным Ричардом Никсоном и Леонидом Брежневым в 1972 году: «Обе стороны признают, что усилия по получению, прямо или косвенно, односторонних преимуществ за счет других несовместимы с целями» 12-ти пунктов Декларации, подписанной на первом московском саммите в том же году.

III

Двусторонняя торговля и эмиграция из СССР — два аспекта советско-американских отношений, поддающиеся количественной оценке и поэтому иногда служащие показателями политического климата, — имели относительно небольшое значение в 1979 году. В обеих областях произошли некоторые предварительно обнадеживающие изменения, но эти улучшения не повлияли на улучшение отношений в целом. Торговля и эмиграция связаны в американском законодательстве поправкой Джексона-Вэника 1974 года,

* В Восточной Европе тоже обострилось чувство конкуренции. Чиновники администрации Картера, проводя предварительные брифинги для прессы в 1979 году, в общих чертах намекали, что они искали возможности взрастить самоутверждение как правящих, так и диссидентских политических сил среди советских сателлитов.

согласно которой статус наибольшего благоприятствования (НБН) для Советского Союза зависел от свободной или, по крайней мере, более свободной эмиграции. На практике это означало эмиграцию евреев. В начале 1979 года один из соавторов закона, представитель штата Огайо Чарльз Вэник, указал, что он может выступить за снятие юридических ограничений на торговлю с Советским Союзом и некоторыми другими коммунистическими странами.

В апреле Национальная конференция по советскому еврейству сообщила, что в предыдущем месяце было разрешено эмигрировать 4418 советским евреям, а к концу года годовой показатель приблизился к рекордно высокому уровню в 50 000 человек. Ряд еврейских активистов был освобожден из трудовых лагерей, пятеро видных советских диссидентов — Александр Гинзбург, Эдуард Кузнецов, Марк Дымшиц, Валентин Мороз и Георгий Винс — были обменены на двух осужденных советских шпионов⁵, а также было несколько побегов художников. Несмотря на этот беспрецедентный исход — по выездной визе, обмену и дезертирству — двусторонние переговоры о статусе НБН, возобновленные в апреле, к концу года все еще были далеки от завершения. (Тем временем Китай был на пути к получению статуса наибольшего благоприятствования).

Несмотря на количественный рост эмиграции — и тот факт, что в 1979 году не было никаких поводов для сравнения с судом над Анатолием Щаранским в 1978 году, — в Соединенных Штатах преобладало мнение, что положение с правами человека в Советском Союзе было столь же плохим, как и всегда. Американская еврейская община была обеспокоена предполагаемым ростом антисемитизма в России и продолжающимися репрессиями в отношении известных инакомыслящих интеллектуалов, включая длящееся до сих пор заключение Щаранского. Протесты от их имени резонировали с растущим настроением гнева и беспокойства американцев по поводу советского поведения и намерений в целом.

Во всем этом была особая ирония для Джимми Картера. Как и большинство новых администраций, он был полон решимости возглавить прорыв в советско-американских отношениях. Но несколько менее типично то, что Картер и Бжезинский пообещали отодвинуть советско-американские отношения с центрального места во внешнеполитической схеме США. <...>

Снижение значимости советско-американских отношений неизбежно означало придание им новой степени стабильности, если не спокойствия. Но только произошло обратное: отношения ухудшились. Возникли новые элементы неопределенности, неустойчивости и взаимного взаимные обвинения. И переговоры по второму договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2),

и борьба за его ратификацию требовали гораздо большего внимания администрации и на более высоком уровне, чем предполагалось.

<...> В конце 1979 года Соединенные Штаты как никогда были озабочены проблемой того, как вести себя с русскими.

IV

Одним из самых деликатных и сложных аспектов американо-советских отношений была тонкая настройка синхронной политики в отношении Москвы и Пекина. С тех пор, как Никсон-Киссинджер открыли отношения с Народной Республикой в 1971 и 1972 годах, существовала опасность, что американские политики в своем энтузиазме по поводу новых отношений с Пекином недооценят советскую паранойю в отношении Китая. Если, как это обычно бывает, Кремль увидит, что Соединенные Штаты вступают в сговор с Китаем против СССР, американские попытки использовать советский невроз в отношении Китая, скорее всего, окажутся неэффективными или даже контрпродуктивными. Существовала также опасность того, что американские официальные лица, время от времени проявляющие чрезмерное рвение использовать связи с Китаем для обуздания советской драчливости и предательства, непреднамеренно позволят американской внешней политике оказаться для китайцев инструментом в их собственной антисоветской политике — это было бы неэффективно и недостойно. Никсон и Киссинджер стремились избежать этих опасностей, одновременно проводя разрядку с Советским Союзом и сближение с Китаем, исходя из теории, что, если эти две политики будут осуществляться параллельно, Кремль с большей вероятностью увидит в улучшении американо-китайских отношений побуждение к дальнейшему улучшению американо-советских отношений, что, в свою очередь, зависело бы от сдержанного, конструктивного поведения Советского Союза.

Основная проблема трехсторонних отношений при администрации Картера заключалась в том, что, вообще говоря, американо-китайские и американо-советские отношения развивались в разных, иногда противоположных направлениях. В то время как Соединенные Штаты сближались с Китаем, они все больше отдалялись от СССР. Когда президент Картер объявил в декабре 1978 года, что Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика нормализуют дипломатические отношения, он предсказал: «Наши новые отношения с Китаем не поставят каких-либо дополнительных препятствий на пути успешного заключения договора ОСВ, а также не поставят под угрозу наши хорошие отношения с Советским Союзом».

Его уверенность на этот счет обнаружила фундаментальный просчет. Через неделю после того, как было объявлено о нормализации отношений между США и КНР, буквально в последнюю минуту ОСВ столкнулась с проблемой. Советские официальные лица в общих чертах намекнули, что отчасти проблема заключалась в их раздражении по поводу этого объявления. Переговоры по ОСВ затянулись еще на пять месяцев — задержка, грозившая стать фатальной для договора, поскольку дебаты о ратификации в Сенате в результате переплелись с президентской кампанией. В середине января Картер признал в телеинтервью, что Советы, похоже, отложили завершение ОСВ-2, чтобы продемонстрировать свое недовольство укреплением связей Вашингтона с Китаем.

Наиболее опасное взаимодействие интересов США, СССР и Китая происходило в Индокитае. Здесь произошла цепная реакция, которая вполне могла привести к войне как минимум между двумя из трех крупнейших держав. В конце 1978 года советская военная газета «Красная звезда», жалуюсь на договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный Китаем и Японией в августе, предостерегала от зарождающейся китайско-японо-американской «оси» в Азии. СССР подписал собственный договор о дружбе с Вьетнамом в ноябре того же года. Затем, после периода пограничной войны между Вьетнамом и Камбоджей, 100 000 вьетнамских солдат вторглись в Камбоджу в декабре, изгнали поддерживаемый Китаем режим Пол Пота из Пномпеня и окопались для длительной оккупации. Соединенные Штаты осудили вторжение и призвали Москву и Пекин к сдержанности, но в середине января Советы наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую к выводу всех иностранных войск из Камбоджи.

В конце того же месяца заместитель премьер-министра Китая Дэн Сяопин прибыл в Соединенные Штаты, чтобы отпраздновать нормализацию отношений. Его девятидневное турне по стране оправдало самые худшие ожидания Советов. Китайско-советская враждебность была не менее заметной в его заявлениях, чем китайско-американская дружба. «Мы считаем, что настоящим очагом войны является Советский Союз, а не США», — повторял он снова и снова. Госсекретарь Вэнс тщетно пытался отделить политику администрации от риторики Дэна, и как только Дэн уехал из города, Вэнс вызвал посла Анатолия Добрынина, чтобы заверить его, что новые отношения между Вашингтоном и Пекином не направлены против Москвы.

Но советским наблюдателям можно было простить их скептицизм. Визит Дэна явно был срежиссирован Бжезинским и Советом национальной безопасности, а не Вэнсом и Госдепартаментом,

и Москва сейчас больше, чем когда-либо, рассматривала Бжезинского как <...>⁶ в советско-американских отношениях. Коммюнике, выпущенное по окончании вашингтонской части визита Дэна, содержало ритуальное осуждение «гегемонии», давно ставшей анти-советским кодовым словом. Брежнев публично обвинил Дэна в «попытке заручиться поддержкой вооруженных сил империализма», а премьер-министр Косыгин воспользовался визитом вежливости советника президента по науке Фрэнка Пресса в Кремль, чтобы еще раз самым решительным образом выразить недовольство действиями администрации Картера при визите Дэна.

Дэн использовал свое американское турне как платформу не только для общих риторических нападок на Россию, но и для очень конкретной угрозы: вьетнамские оккупанты Камбоджи были «кубинцами Востока», и пришло время преподать им «некоторые необходимые уроки». <...>

Менее чем через две недели после своего возвращения из Соединенных Штатов Дэн это и сделал. Китайская армия численностью около 80 000 человек вторглась в северную часть Вьетнама. Вашингтон и Москва обострили собственную битву публичных предупреждений. 17 февраля Государственный департамент предостерег СССР от вмешательства как непосредственно во вьетнамский конфликт, так и от карательного удара по самому Китаю: «любые шаги, способные продлить конфликт, будут иметь серьезные последствия не только для региона, но и в широком смысле для мира в целом...». На следующий день советское правительство предупредило Китай о выводе войск из Вьетнама, «пока не стало слишком поздно», и пообещало, что Советский Союз выполнит свои обязательства по договору с Вьетнамом. К счастью, эти обязательства не были прописаны ни в договоре, ни в советской пропаганде. Советы ограничивались по большей части увеличением поставок оружия в Ханой. Этой помощи оказалось достаточно. Китайцам не удалось ни унижить вьетнамцев в военном отношении, ни выгнать их из Камбоджи. Попытки Китая преподать урок Ханоя фактически сделал Вьетнам грозной державой в регионе и более, чем когда-либо, зависящим от своего советского союзника. Ни одно из последствий не стало триумфом для китайцев. Более того, Китай широко критиковали за агрессию, а СССР получил международное признание за сдержанность*.

* Однако позже Советы не получили и не заслужили признания за свою политику в отношении Индокитая, когда остальной мир признал жестокость изгнания вьетнамским руководством своего этнического китайского меньшинства, а затем и масштабы страданий в Камбодже, где поддержи-

Тем временем ОСВ резко замедлилась и почти остановилась, даже во время тайных переговоров между Вэнсом и Добрыниным в Вашингтоне. Почти весь февраль не было заметного прогресса. Затем, выступая в Минске в конце месяца, министр иностранных дел Андрей Громыко дал в целом положительную оценку отношениям с США и перспективам ОСВ, вновь заявив, что попытки «разыграть “китайскую карту”... никоим образом не отвечают целям соглашения [ОСВ] [или] мира в целом». Стремясь повлиять на любые обсуждения, которые могли происходить в Москве, Вэнс пригласил Добрынина к Картеру. Президент сказал послу, что нормализация китайско-американских отношений и китайско-вьетнамская пограничная война не должны определять ход советско-американских отношений; Соединенные Штаты не несут ответственность за китайское вторжение во Вьетнам; на самом деле у США были куда более обоснованные претензии к Москве в связи с недавним нападением Южного Йемена, клиента СССР, на Северный Йемен; но эти и другие раздражители не должны мешать завершению переговоров по ОСВ-2. Через два дня, 2 марта, Брежнев фактически заявил о своей согласии. Он выступил с речью, снова призывая китайцев уйти из Вьетнама, но был настроен примирительно и оптимистично в отношении ОСВ.

Однако после вывода китайской армии из Вьетнама и заключения ОСВ-2 на встрече Картера и Брежнева в июне осталась нерешенной проблема того, как Соединенным Штатам следует использовать свои связи с Китаем, чтобы добиться гибкости со стороны Советов, не вызвав при этом возврата к напряженности. На протяжении 1979 года администрация Картера придерживалась своей политики отказа от продажи оружия Китаю, но постоянно появлялись признаки того, что Соединенные Штаты и КНР могут очень осторожно продвигаться к некоторому сотрудничеству в сфере безопасности. Эта возможность ужасала Советы и интриговала тех американских чиновников, которые считали, что Советский Союз должен винить только себя за китайско-американские общие интересы в противодействии глобальному наращиванию российской военной мощи.

Это наращивание было особенно очевидным и тревожным на Дальнем Востоке. Советы в течение нескольких лет укрепляли

ваемый вьетнамцами режим использовал голод в качестве оружия против гражданского населения, чтобы подавить движение сопротивления Пол Пота. Советы были непреклонны перед призывами сотрудничать с международными усилиями по оказанию помощи и использовать свое значительное влияние на режимы в Ханое и Пномпене, чтобы смягчить двойную трагедию находившихся в лодках и беженцев с суши.

свой Тихоокеанский флот, базирующийся во Владивостоке, и после китайско-вьетнамской войны в феврале заметно увеличилось количество советских военных кораблей и самолетов, действующих во Вьетнаме и за его пределами. Китайский военный чиновник сообщил прибывшей с визитом делегации Сената, что Пекин выступает за наращивание американского военно-морского флота в Тихом океане и будет приветствовать заходы Седьмого флота США в порты. Когда иранская революция лишила Соединенные Штаты их наземных станций сбора разведданных у Каспийского моря, Дэн Сяопин предположил, что Соединенные Штаты могли бы возместить потери, наблюдая за испытательными пусками советских ракет в Центральной Азии с новых объектов на границе с Китаем. Эти опрометчивые предложения заставили администрацию Картера уклоняться и нервно оглядываться через плечо на Советы, которые, как и ожидалось, были этим недовольны. Но Соединенные Штаты продолжали предварительно кружить вокруг идеи развития неких отношений в области безопасности с Китаем. В конце октября Администрация объявила, что министр обороны Гарольд Браун посетит Пекин в начале нового года.

Хотя во время июньского саммита в Вене Браун провел переговоры со своим советским коллегой Дмитрием Устиновым, ни один министр обороны США никогда не ездил в Москву для консультаций, подобных тем, какие Браун собирался провести с китайцами. И советская вторжение в Афганистан в декабре заставила Бжезинского публично намекнуть, что вариант официального китайско-американского военного сотрудничества стал более заманчивым, чем когда-либо.

По прибытии в Пекин в январе 1980 года Браун публично предложил китайской стороне обсудить с ним «дополнительные действия», которые Китай и Соединенные Штаты могли бы предпринять для противодействия советской экспансии; и он, и китайцы особо указали, что дискуссии в значительной степени были сосредоточены на Афганистане. Хотя Браун также говорил о «более широком сотрудничестве по вопросам безопасности в будущем», он исключил, по крайней мере, на данный момент прямую продажу американского оружия Китаю. Наиболее заметным немедленным обязательством была поставка только наземного оборудования для получения информации от американской спутниковой системы, которая широко использовалась в сельскохозяйственных и экономических целях, но имела лишь ограниченное военное применение.

Тем не менее было ясно, что после афганского кризиса администрация Картера отказалась от своей политики «беспристрастно-

сти» в отношении Москвы и Пекина. Теперь Соединенные Штаты формально присоединились к позиции, которую Дэн Сяопин провозгласил во время своего американского турне в начале года: «белый медведь» представляет наибольшую угрозу миру во всем мире.

V

Для ОСВ-2, второго раунда десятилетних переговоров об ограничении стратегических вооружений, 1979 год стал как завершающим, так и кризисным, причем кризис грозил свести на нет завершение. В январе год был отмечен неопределенностью в отношении того, будет ли договор когда-либо подписан главами государств, и в декабре неопределенностью в отношении того, будет ли он когда-либо ратифицирован двумя третями Сената США, как того требует Конституция. На полпути, в июне, президенты Картер и Брежнев встретились в Вене. Но символом взаимного недоверия и минимальных ожиданий было то, что эта встреча прошла на нейтральной территории. (В протоколе была указана очередь Брежнева посетить США, но советская сторона, сославшись на плохое здоровье, запросила место, не требующее длительного перелета). Ни на словах, ни на деле саммит не породил «дух Вены». Он даже не выпустил обновленную версию декларации принципов, которую Никсон и Брежнев подписали в дополнение к ОСВ-1 в Москве семь лет назад. Картер и Брежнев подписали только договоры ОСВ-2, которые уже столкнулись с жестким противодействием в США. И этой оппозиции было суждено стать к концу года намного жестче.

<...> Американская поддержка нового договора в значительной мере утратила свой импульс, в то время как оппозиция неуклонно набирала силу в политическом климате растущего гнева, страха и разочарования, направленных против Советского Союза.

Откладывание переговоров было отчасти следствием советской склонности к холодному и упрямому торгу. Но этот процесс еще больше затянулся и осложнился рядом инициатив США, принятых ранее в администрации Картера: в частности, активной публичной защитой Белым домом советских диссидентов в первые три месяца 1977 года; комплексным предложением ОСВ в марте того же года; и разыгрыванием китайской карты в декабре 1978 года*.

* В первоначальной заявке по ОСВ-2 Администрация стремилась выйти за рамки равных потолков (всего 2400 стратегических пусковых установок, из которых 1320 могут иметь несколько боеголовок), о чем Джеральд

<...> Но итоговое соглашение ОСВ-2 было более сложным, более амбициозным и во многих отношениях более выгодным для Соединенных Штатов, чем предшествующие. <...>

Тем не менее соглашение вызвало в Сенате больше споров, чем когда-либо. Генри Джексон из Вашингтона и лидер республиканцев Ховард Бейкер из Теннесси раскритиковали администрацию за согласие на ограничения в отношении крылатых ракет, являющихся особенностью Америки; за то, что не удалось ликвидировать советское преимущество в «тяжелых» межконтинентальных баллистических ракетах (несоответствие, возникшее из-за разногласий в односторонних стратегических ракетных программах двух сторон еще в 1960-х годах); и за то, что не удалось заставить Советов считать бомбардировщик Bockfire стратегическим оружием (вместо этого Брежнев принял дополнительные ограничения на производительность и дальность полета бомбардировщика). <...> Но самые серьезные сомнения по поводу ОСВ касались того, как договор и процесс контроля над вооружениями в целом вписываются в то, что многие считали опасными тенденциями в советско-американских отношениях и стратегическом балансе. Сенатор Сэм Нанн от Джорджии и Генри Киссинджер были наиболее авторитетными и влиятельными сторонниками того, чтобы поставить ратификацию ОСВ-2 в зависимость от наращивания американских вооружений, чтобы соответствовать развертыванию советских войск и помешать предполагаемым советским планам. Администрация была готова принять некоторые условия в этом направлении, и к концу лета, когда Сенат прервался на августовские каникулы, договор, казалось, двигался к ратификации до конца года, без «убийственных» поправок, которые потребует повтор-

Форд и Брежнев договорились во Владивостоке в 1974 г. Всеобъемлющее предложение Картера потребовало бы от Советов немедленных и радикальных сокращений своего ядерного арсенала, включая 50-процентное сокращение тяжелых межконтинентальных баллистических ракет. Взамен США предложили пожертвовать некоторыми программами, которые планировались, но были еще далеки от развертывания, включая МХ, или «Экспериментальную ракету», гораздо более крупную преемницу межконтинентальной баллистической ракеты «Минитмен». В марте 1977 г. Советы сразу отвергли это предложение, настаивая на том, чтобы владивостокские рамки остались незыблемыми в ОСВ-2. Два месяца спустя Соединенные Штаты вернулись с трехуровневым предложением: договор, который будет действовать до 1985 г., краткосрочный протокол и заявление о принципах, регулирующих следующий раунд переговоров, ОСВ-3. Советы приняли этот формат, но оспаривали, какое оружие должно быть охвачено какими уровнями.

ных переговоров с Кремлем и, скорее всего, вызовет неприятие со стороны Кремля.

Затем, в конце августа, произошел в какой-то мере аномальный инцидент, но иллюстрирующий недоверие между сверхдержавами и крайнюю уязвимость ОСВ к превратностям общих советско-американских отношений и капризам внутренней политики США. Убедив Сенат в том, что советский военный персонал на Кубе не участвует в боевых действиях, Администрация с опозданием обнаружила, что около 2600 советских военнослужащих на Кубе (примерно одна треть всего советского контингента там) на самом деле в течение ряда лет были организованы в боевую бригаду; их миссия заключалась в самостоятельных маневрах, а не в обучении кубинцев.

Это открытие вызвало шквал споров и взаимных обвинений. Сенатор Фрэнк Черч, председатель комитета по международным отношениям и главный сторонник ратификации ОСВ, чувствовал себя введенным в заблуждение и даже преданным Администрацией; он также чувствовал себя политически незащищенным в своем избирательном округе в Айдахо, поскольку столкнулся с трудной кампанией по переизбранию против консервативного республиканца. Стремясь перехватить инициативу в полемике, Черч отложил слушания своего комитета по ОСВ, а затем заявил: «Я не вижу вероятности, что Сенат ратифицирует договор ОСВ-2, пока советские боевые части остаются на Кубе». Сама администрация Картера провозгласила «неприемлемость» «статус-кво», хотя существовало общее мнение, что присутствие советских сухопутных войск не нарушает договоренности между Никитой Хрущевым и Джоном Ф. Кеннеди, положившей конец кубинскому ракетному кризису в 1962 года.

В резкой редакционной статье в «Правде» Советы отрицали, что у них есть боевые части на Кубе. Посол Добрынин и министр иностранных дел Андрей Громыко повторили это опровержение в частных беседах с госсекретарем Вэнсом, заявив, что единственной функцией рассматриваемой бригады является обучение кубинцев. К настоящему времени и сенатор Черч, и Администрация начали отказываться от своего первоначального требования убрать бригаду или коренным образом изменить ее. К октябрю Администрация предупредила, что будет внимательно следить за действиями бригады, чтобы убедиться, что она ведет себя как учебная, а не боевая единица, а Черч выступил спонсором поправки к договору, требующей от президента удостовериться, что присутствующие советские войска на Кубе «не задействованы в боевой роли».

Эти ухищрения достаточно удовлетворили сенаторов, и дебаты о ратификации возобновились, хотя и с гораздо меньшими на-

деждами на успех, чем до кубинской неразберихи. Тем временем дипломаты из посольства и приезжие государственные деятели из Западной Европы объединили усилия с Администрацией в лоббировании Капитолийского холма в интересах договора. Особенно активны были западные немцы и бельгийцы. <...>

Беспокойство Западной Европы имело как общее, так и специфическое измерение: во-первых, рост советско-американской напряженности, уверенность в том, что если ОСВ-2 потерпит неудачу, это обязательно вызовет негативные последствия для Европы, которая как географически, так и политически зажата между Москвой и Вашингтоном... <...>

Западноевропейские гости в Вашингтоне искали подходы к сенаторам и утверждали, что провал ОСВ-2 подорвет трансатлантическую уверенность в надежности американской политической системы и, следовательно, в способности Америки возглавить альянс; в Европе повысится интерес к раздельным сделкам с русскими.

Как бы подчеркивая именно такую возможность, Леонид Брежнев в начале октября выступил в Восточном Берлине с речью, объявив об одностороннем, хотя и в основном символическом, выводе части советских войск из Восточной Германии. Жест доброй воли был частью пакета мер, направленных на то, чтобы заблокировать модернизацию TNF: если западноевропейцы будут сопротивляться американскому давлению с целью развертывания «Першинг-Х» и крылатых ракет наземного базирования, Советы сократят часть своего ядерного оружия на театре военных действий. Эта конкретная советская уловка не смогла отделить Соединенные Штаты от их трансатлантических партнеров, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. После сложных и напряженных обсуждений в Брюсселе в середине декабря министры иностранных дел и обороны стран НАТО одобрили американский план модернизации TNF. Но голландские и бельгийские представители приложили к своему одобрению ограничительные оговорки, фактически призвав Соединенные Штаты к переговорам с Советским Союзом о взаимных сокращениях ядерных вооружений театра военных действий до того, как новое оружие будет готово к развертыванию в Западной Европе. В коммюнике, опубликованном в конце декабрьской встречи НАТО, Соединенным Штатам прямо давалось указание добиваться таких сокращений по ОСВ-3. Таким образом, западноевропейские союзники нашли способ еще раз заявить о своей поддержке ОСВ-2.

<...> Контроль над вооружениями часто называли стержнем, якорем или вождем разрядки, и ОСВ, несомненно, был центральным звеном контроля над вооружениями. Четыре американских

администрации боролись с проблемой того, в какой степени ОСВ и поведение Советского Союза должны быть связаны. Генри Киссинджер часто говорил, когда он был главным переговорщиком и продавцом ОСВ, что соглашения о контроле над вооружениями не следует рассматривать как американскую услугу русским или как награду за хорошее поведение Советского Союза. Даже когда советские оккупанты приступили к полномасштабным операциям по поиску и уничтожению афганских повстанцев, а советские пехотинцы патрулировали улицы Кабула в начале января 1980 года, Збигнев Бжезинский поддержал точку зрения Киссинджера: «Я надеюсь, что Сенат в конечном итоге ратифицирует ОСВ, потому что ОСВ необходим независимо от того, хороши или плохи американо-советские отношения». Но Бжезинский добавил: «Я сожалею об их действиях из-за неблагоприятного воздействия, которое они оказали на ОСВ».

Действительно неблагоприятное. Уже на следующий день президент Картер попросил Сенат «отложить рассмотрение» договора в свете советского вторжения в Афганистан. Картер неохотно склонялся перед политической реальностью: если бы он и те сенаторы, которые соглашались с тем, что ОСВ особенно необходим в периоды напряженности, форсировали этот вопрос, они почти наверняка увидели бы поражение договора. Лучше бы они тактически решили положить ОСВ-2 на некоторое время на полку.

Однако вопрос о том, мог ли он остаться там без помех, а затем быть снятым и ратифицированным, был в лучшем случае проблематичным. Во-первых, Советы были явно нетерпеливы и разочаровались в ОСВ. <...> Кремлевские политические лидеры наверняка подверглись давлению со стороны советских военных, чтобы они относились к ОСВ-2 не так, как если бы он был просто отложен на полку, а как если бы он был выброшен на свалку истории. Если бы Советы продолжили тотальное распространение боеголовок на своих ракетах наземного базирования, не стесненные ограничениями, которые наложил бы ОСВ-2, руководство США, весьма вероятно, могло бы столкнуться с давлением со стороны своих собственных вооруженных сил, чтобы защитить американские межконтинентальные баллистические ракеты средствами противоракетной обороны (ПРО). Это, в свою очередь, означало бы, что 1980 год, год, начавшийся с предстоящих дебатов о том, ратифицировать ли ОСВ-2, может закончиться дебатами о том, аннулировать ли договор ОСВ-1 по ПРО, бессрочный пакт, подписанный Никсоном и Брежневым на московском саммите 1972 г.

Таким образом, в начале нового десятилетия советско-американские отношения преследовал призрак уничтожения самого

важного достижения в истории контроля над вооружениями — соглашения об отказе от нарастающей и смертельно дестабилизирующей гонки ПРО. Даже если старые ограничения ОСВ-1 на оборонительные вооружения переживут императивы Пентагона, а новые ограничения ОСВ-2 на наступательные вооружения выдержат скептицизм Сената, эти пакты сами по себе мало что сделают для уменьшения неуверенности Америки в себе, самокритики, тревоги и перевооружения — что имело свое зеркальное отображение в СССР. Едва ли это благоприятная перспектива для разрядки, как бы она ни называлась.

VI

Советское вторжение в Афганистан и откладывание ОСВ-2 неизбежно вызвали бурные дебаты в Соединенных Штатах о политике в отношении Советского Союза.

<...>

В своей реакции на события в Афганистане Администрация, похоже, говорила в один голос в конце года и в первые дни 1980 года. Если теоретически маятник качнулся в сторону точки зрения, отождествляемой с Бжезинским, то мало кто сомневался в том, что Вэнс и Шульман были столь же твердо убеждены в серьезности советского шага и в необходимости противодействовать ему не только конкретными действиями на Ближнем Востоке, но и некоторыми конкретными мерами по увеличению американского военного потенциала по всем направлениям.

<...> Но, по крайней мере до конца декабря 1979 года, не было никаких сомнений в том, что в глазах Советов кажущаяся непредсказуемость американской политики вызвала одновременно раздражение и подозрение. Это приводило в ярость, потому что советские лидеры, несмотря на все их заявления о том, что они стражи революции, являются одними из самых консервативных в мире, по крайней мере, в том смысле, что они склонны рассматривать внезапные сдвиги в американской политике как преднамеренные провокации, диверсионную тактику или проявления давно вынашиваемых сюжетов. Случайности, импровизации и сбои в координации часто принимают с советской точки зрения зловещую, хотя и иллюзорную согласованность.

В 1978 году Брежнев и другие высокопоставленные русские сетовали на «шатания и непоследовательность» американской политики. Но уже к концу того же года и на протяжении всего 1979 года это недовольство сменилось мрачными рассуждениями в советской печати и анализах *institutchiki*⁷ о том, что в США берут

верх «враги разрядки»; что пресловутый военно-промышленный комплекс одержал крупную тайную победу; и что «правлящие круги» теперь готовы к новой холодной войне. (Такие советские комментарии никогда не намекали даже на малейшее признание того, что все, что происходит в Соединенных Штатах, могло быть ответом на советские военные программы или политическую деятельность, такую как продолжающееся наращивание высокоточных межконтинентальных ракет с несколькими боеголовками и энергичные, часто провокационные поддержки радикальных режимов в странах третьего мира).

К весне-лету 1979 года американские официальные лица, регулярно общавшиеся с Советским Союзом на высшем уровне, улавливали повторяющиеся сигналы о том, что кремлевские лидеры, возможно, приступили к фундаментальной и далеко идущей переоценке своей собственной политики разрядки. Сначала были советские намеки, адресованные в первую очередь Государственному департаменту, о том, что Политбюро пересматривает отношения ввиду того, что, как утверждали Советы, США склоняются к Китаю. Всегда нужно быть настороже, когда самопровозглашенные советские голуби конфиденциально предупреждают американцев о том, что они могут сделать, вернувшись домой в Кремль ястребами, если Соединенные Штаты не исправятся. Такие разговоры могут быть дезинформацией, предназначенной для оказания давления на переговорах и использования известных разногласий внутри Администрации, таких как получивший широкую огласку раскол между Вэнсом и Шульманом, с одной стороны, и Бжезинским, с другой. <...> Короче говоря, ходили слухи, что в Москве сторонники жесткой линии набирают силу.

Сторонники этой точки зрения нашли подтверждение в советском вторжении в Афганистан. Десять месяцев назад, в феврале, СССР не вмешивался в китайско-вьетнамскую пограничную войну, возможно, отчасти сдерживаемый желанием не срывать ОСВ-2 в кульминационные месяцы переговоров; а теперь вот Советы в декабре вторглись в суверенную страну как раз накануне полномасштабных дебатов Сената по спорному договору. Наверняка кремлевские лидеры должны были знать, что они вынуждают отложить ратификацию на неопределенный срок, если не обречь ее на гибель.

Но из событий в Афганистане невозможно сделать вывод о том, означало ли это, что сам Леонид Брежнев потерял влияние в руководстве. В конце концов, как бы Брежнев ни отождествлял себя с ОСВ и разрядкой, он не был сторонником мягкотелости и не был чужд вторжениям. В 1968 году он приказал танкам Варшавского договора войти в Чехословакию, несмотря на неизбежные по-

следствия: отмену встречи на высшем уровне с Линдоном Джонсоном и задержку открытия ОСВ-1. <...> Парадокс поддержки Брежневым контроля над вооружениями вместе с Соединенными Штатами и одновременно вооруженной интервенции в соседних странах прошел полный круг с момента окончания Пражской весны в 1968 году до Кабульской зимы 1979–1980 годов.

Тем не менее, предположения об изменениях в кремлевской иерархии были весьма уместны, поскольку Соединенные Штаты и СССР, казалось, вступали в отдельные кризисы лидерства почти одновременно. Долгожданный постбрежневский переход может стать неизбежным. Здоровье советского лидера, несомненно, ухудшалось, и в октябре в течение примерно 24 часов слухи о его смерти широко распространялись на Западе с мучительной необъяснимой задержкой, прежде чем советские власти официально опровергли это сообщение. Кремленология стала в значительной степени упражнением в удаленном медицинском осмотре; прогноз на то, что Брежнев переживет долгую и суровую русскую зиму, был неблагоприятным. Более того, он был первым среди равных в геронтокрации, что повышало вероятность кризиса множественного престолонаследия. Эта возможность, подчеркнутая ноябрьским сообщением о том, что Алексей Косыгин был выведен из строя в результате сердечного приступа, придавала дополнительный вес более пессимистичным прогнозам относительно состава и ориентации советского руководства на ближайшее десятилетие.

Это было бы действительно зловещее событие, если бы кризис преемственности в советском руководстве, завершение переоценки советско-американских отношений на уровне Политбюро, президентская кампания в США, в которой доминировали антисоветские темы, углубляющийся политический кризис, обострение военного соперничества и крах контроля над вооружениями произошли бы в 1980 году. Независимо от того, было ли такое зловещее совпадение в картах, к концу 1979 года обе страны, казалось, приближались к периоду, когда каждая из них будет уделять внимание наихудшему планированию вероятного поведения другой. И планирование наихудшего случая всегда влечет за собой риск того, что пророчества сбываются.

